

Моя невинная девочка

Автор:

Екатерина Орлова

Моя невинная девочка

Екатерина Орлова

Адвокатская практика #2

Приняв у Софии экзамен, я надеялся, что не увижу ее по меньшей мере ближайшие два месяца. Но каким-то чудом она устроилась на работу в мою фирму, и теперь перед глазами каждый день маячит соблазн. Хватит ли мне сил противостоять своим желаниям и держаться подальше от юного создания? Содержит нецензурную брань.

Екатерина Орлова

Моя невинная девочка

Пролог

Макар

– Да у него уже скоро ребенок родится, а ты все никак не найдешь себе достойную женщину.

– Мам, ну ты издеваешься? – спрашиваю я.

– Макар, сынок, – мама решает сменить тон. – Пойми меня правильно. Ты жениться не хочешь, Аська вон зарядила, что никогда не выйдет замуж. Я же так никогда не дождусь внуков.

– Да зачем они тебе? Ты двести дней в году в разъездах. Ну какие внуки?

– А я и не говорила, что буду нянчить их. Я просто сказала, что пора уже. Тридцать два, Макар. Твои живчики быстрее не становятся.

Я закатываю глаза и легонько упираюсь в стену лбом. Это издевательство какое-то.

– Мамуль, давай договоримся: ты не говоришь о внуках – я не обсуждаю твои отношения с Леликом.

Слышу тяжелый вздох и понимаю, что мама наконец сдается.

– Как на работе дела?

Я не успеваю ответить, когда квартиру пронизывает звук дверного звонка. Я бросаю взгляд на часы и слегка офигеваю. Одиннадцать часов вечера. В это время приличные люди по гостям не ходят. Могут завалиться только мои друзья, но они неприличные.

– Мам, погоди секунду, ко мне пришли.

– Девушка?

– Мам, ну какая... – успеваю произнести, открывая дверь, и застываю на месте, теряя дар речи.

София Силантьева собственной персоной. Мой личный ад и рай в одном хрупком, изящном флаконе. Мой ночной кошмар и влажный сон.

– Мам, я перезвоню, – произношу хрипло и сбрасываю звонок, пока рассматриваю эту засранку.

Она стоит передо мной, хлопая густо накрашенными ресницами. Огромные глаза смотрят испуганно, дрожащие пальцы сжимают ремешок небольшой сумочки. Боевой раскрас я оценил. И все слои штукатурки, под которыми скрывается румянец. Он там наверняка есть, и мне хочется умыться дурочку, чтобы увидеть всю красоту, которую она прячет под косметикой. Сегодня Софья сама на себя не похожа. На ней черный плащ до колен, темные колготки и туфли на высоком каблуке. Пока еще больше я ничего не вижу. Волосы собраны в высокий хвост. Я пару минут оторопело смотрю на нее, не в силах собраться с мыслями, а потом вспоминаю, что я же тут вроде как взрослый. Преподаватель и вообще.

– Софья?

– Добрый вечер, Макар Ильич.

– Что ты здесь делаешь? Или адрес перепутала?

– Не п-перепутала. К вам... пришла, – выдыхает она, заикаясь.

– Ко мне? Зачем?

– Можно войти? Не в коридоре же нам разговаривать, в самом деле, – она нервно хихикает.

Я хмурюсь еще сильнее и отступаю от двери, впуская Силантьеву в квартиру. Ох, сколько раз еще я пожалею о том, что сделал это!

Как только входная дверь со щелчком закрывается, Софья поворачивается ко мне лицом, роняет сумку на пол, расстегивает плащ и резко распахивает его полы, сбрасывая с себя. А я... охреневаю. Обтекаю. И пытаюсь сделать вид, что не возбужден, как подросток, и мне совершенно наплевать на безупречное хрупкое тело, облаченное только в кружевное белье и чулки. Блядь, лучше бы были колготки, ну правда. Пару секунд я пялюсь, силясь не пускать слюни на пол, а потом резко отворачиваюсь.

– Софья, какого хера? – рычу я. – Что происходит?

Дожился, Гордеев, спрашиваешь у красивой девушки, зачем она перед тобой разделась. И все бы ничего, только вот эта девушка младше меня на одиннадцать лет, и я ее препод по международному праву. Препод, который все никак не поставит ей зачет.

– А что? – слышу истеричные нотки. – Не нравлюсь? Другие нравятся, а я что, рожей не вышла?

Поворачиваюсь к Софии и ценой невероятных усилий смотрю ей только в лицо. Большие глаза уже наполнены слезами, и это просто капец. Я не умею обращаться с женской истерикой. Нет, я не пасую, просто впадаю в ступор. А если эта расплчется, я вообще могу потерять самообладание. Потому что... ну это же Софья. Рядом с ней я иногда чувствую себя каким-то остолопом, который никак не может оторвать свой извращенный взгляд от девочки.

– Не нравишься, – отвечаю я, и она мечет в меня зрительные молнии. – Такая не нравишься. Зачем пожаловала в непотребном виде, Силантьева?

– Хочу зачет по вашему предмету.

– Как соотносится знание международного права вот с этим всем?

Я неопределенно машу на нее рукой, сам при этом все же лизнув жадным взглядом соблазнительное тело.

– Мне сказали, что так можно получить зачет.

– Как – «так»? – резко спрашиваю я.

– Ну, переспав с вами, – уже не так уверенно произносит эта несостоявшаяся соблазнительница, и ее щеки розовеют. Ох, Софья, не буди лихо...

Сердце начинает колотиться в районе горла, когда фантазия несет меня, как машину по обледеневшей трассе. Мысленно я уже раз пять нагнул эту неумелую соблазнительницу и трахнул так, что в глазах потемнело. А в реальности мне бы стоило нагнуть ее только для того, чтобы выпороть предприимчивую задницу. Я прищуриваюсь.

– Кто сказал?

– Какая разница? – она тоже прищуривается и задирает подбородок.

Я сосредотачиваюсь на ее шее. Сюда смотреть безопасно. Наверное. Нет, небезопасно. Там, под тонкой, практически прозрачной кожей, бьется синяя венка. Мой рот наполняется слюной, так сильно хочется почувствовать эту венку языком. Чертова Софья, которая мне не дает жизни уже больше полугода. В каждом сне эта неопытная соблазнительница. Маленький боевой хомячок, вызывающий восхищение и раздражение одновременно.

– Есть разница. Так, ты сейчас смываешь с себя боевой раскрас, надеваешь футболку, которую я тебе дам, а потом идешь пить со мной чай и исповедоваться.

– Лучше я пойду, – бросает она раздраженно и пытается меня обойти, но я хватаю ее за локоть и разворачиваю спиной к себе. Перехватываю за плечи и наклоняюсь к ее уху. Зря. Теперь мне не хочется покидать эту зону, потому что я чувствую жар и трепет ее тела. И запах, от которого внутри меня начинается вполне объяснимая вибрация. Отрава, а не девушка.

– Ты. Идешь. Умываться. Быстро.

Я задаю ускорение, слегка толкнув ее, и удерживаю зудящую ладонь, которая тянется шлепнуть по маленькой упругой попке. Ну зараза такая. Что ж ты никак меня не отпустишь?

Закинув в ванную футболку для Софьи, я готовлю чай и ставлю чашки на стол вместе с вазочкой с печеньем и конфетами, в тарелку выкладываю тосты, намазанные сыром и покрытые пластинами семги и авокадо. Сама соблазнительница появляется в кухонной зоне спустя несколько минут. В доходящей ей до коленей футболке она мнется у островка, поглядывая на меня исподлобья. Красивая такая без всей этой раскраски, портящей ее нежную внешность. Негативная часть состоит в том, что в таком виде София напоминает мне о нашем с ней положении и моем возрасте.

– Проходи, присаживайся.

– Я, наверное, все же поеду.

– Поедешь, когда я скажу! – рявкаю. – Сам тебя отвезу.

– Не надо, я на метро...

– Днем на учебу поедешь на метро. А по ночам ты шастать не будешь. Еще и в таком виде. Сюда как приехала?

– На метро, – негромко отвечает Софья, усаживая свою шкодливую задницу на мягкий стул. Вместе с косметикой Силантьева, судя по всему, смыла и свою браваду, и теперь больше похожа на двадцатиоднолетнюю студентку.

Я закатываю глаза и сцепляю зубы, чтобы сейчас не отчитать ее. Ну вот где таких дурах делают? Это же она ехала сюда, выглядя, как леденец на каблуках, который хочется откусывать и наслаждаться хрустом. И даже ведь не подозревала, глупышка, на какие неприятности нарывалась.

Я подталкиваю чашку к Софии, и она тут же обнимает ее ладошками с нюдовым маникюром.

– А где агрессивно-красные ногти? – киваю на ее руки, и Софья тут же сжимает руки в кулачки, пытаюсь спрятать маникюр.

– Я уже поняла, что вы не оценили порыв, – обиженно произносит она.

– Ешь, Софья, скоро от тебя совсем ничего не останется.

– В каком смысле?

– Похудела сильно за эту сессию.

– С чего вы взяли?

– С того, что не слепой.

Ее щеки тут же вспыхивают, как и вспыхнуло у меня в голове. Ну что за идиот? Осталось только прямым текстом сказать ей, что дрочу на ее образ. Эх, Макарка, совсем плохой стал.

– Так кто надоумил, Софья? – строго спрашиваю я, усаживаясь напротив.

– Девочки с пятого курса сказали, что так сдавала какая-то Марина, – отвечает она, откусывая от бутерброда.

– Еще одна дуреха бестолковая, – бубню себе под нос. – Послана была Марина и пересдавала она с комиссией.

– Меня тоже пошлете?

– Сначала чаем напою.

– А потом пошлете?

– А потом домой отвезу. Родители тебя не видели, когда из дома выходила?

Софья бросает на меня взгляд, полный ненависти. Настолько жгучий, что меня даже слегка передергивает.

– Не видели.

– И хорошо. Их бы наверняка Кондратий хватил. Еще утром была приличная девочка, а теперь вот это вот все.

София резко вскакивает со стула.

– Я уже поняла, что не нравлюсь вам! Не обязательно так резко высказывать свое мнение!

Нравишься, София. Пиздец, как нравишься. Но не для тебя эта информация.

– Сядь на место, – приказываю резким тоном, и она застывает.

– Знаете, что? Командовать будете на экзамене. А я поехала домой. Я, в конце концов, свободная женщина.

– Сядь, свободная женщина, и допей спокойно чай. И мы обсудим сдачу экзамена.

Она снова замирает, выключая боевой режим, и грациозно проскальзывает задницей на стул. Снова обхватывает чашку и делает глоток чая.

– В чем проблема с подготовкой к экзамену? – спрашиваю я, сложив на столе перед собой руки.

– Да нет проблем! – вскрикивает она. – Я подготовилась.

– Ну так приходи на пересдачу и сдавай.

– Почему в первый раз вы меня завалили?

Я усмехнулся.

– Тебя даже валить не надо, ты сама все за меня сделала.

– Это потому что я волновалась!

– В суде в Гааге, думаешь, волноваться не будешь, Софья? Да там все будет еще хуже, чем на экзамене.

– Вы меня недолюбливаете.

А вот это правда. Но не по той причине, что думает София. А потому что не дает мне покоя эта маленькая ведьма. Теперь, с приходом лета, когда ее обычные джинсы плавно трансформировались в короткие шорты и легкие сарафаны, я ее не просто недолюбливаю, теперь уже я готов рвать на кусочки.

Вскакиваю с места, и стул с грохотом проезжает по кафельному полу.

– Допивай чай и поедем, – снова рычу на нее и сваливаю переодеваться. Что угодно, только бы не находиться рядом с ней дольше необходимого.

Глава 1

Макар

Я вхожу в офис, практически не глядя под ноги.

– Привет, – здороваюсь с помощниками, и они отвечают нестройным хором. Подхожу к столу Илоны. – Так, здесь все документы, которые ты просила забрать в суде. Нестеренко на больничном, так что твое заседание перенесли.

– Фух, круто, – выдыхает она, заставляя меня оторвать взгляд от бумаг и перевести на нее. Илона смотрит на меня с удивлением. – А чего ты ждал? Что я буду радоваться? Ответчик конченный просто.

– Это вообще-то наш клиент, – строго говорю я.

– Пардон, но он придурок.

– Я надеюсь, ты не высказываешь свое авторитетное мнение при клиентах.

– Ну что ты? При них я белая и пушистая, – улыбается она, а я качаю головой.

– Так, помощница Бобурина просила завезти документы. Сказала, что ты ей обещала.

– Да, завезу завтра, как раз буду там после обеда.

– И что у нас по «Промстрою»?

– Готовлю апелляцию. Завтра сможешь подать, как будешь в хозяйственном?

– Ленивая задница ты, Илона Викторовна, – усмехаюсь я. – Подготовь полный пакет, чтобы я не перепроверял.

– Знаешь, Макар, есть такой прием у домохозяек. Чтобы показать мужу, что она не бездельница, она на один день прекращает делать все то, что делает ежедневно. Так сказать, показать ему в цвете, что бывает с домом и детьми без ее участия. Сделаю так же и я, пожалуй, чтобы ты не называл меня ленивой задницей.

– Ты уже в прошлом году делала, – скептически отзываюсь я.

– Кайфанули? – она приподнимает бровь и, откинувшись на спинку кресла, складывает руки на груди. Вся ее поза – вызов, но меня вряд ли проймешь угрозами.

– Ты третья в этом кресле. Сечешь, на что намекаю?

Илона фыркает и выпрямляется, резко придвигаясь к столу. Обижается. Вот так всегда: сама начнет этот цирк, а потом дуется. Я подаюсь немного вперед.

– Хватит губы дуть, полопаются, – подначиваю ее, а она показывает язык.

Я выпрямляюсь.

– Так, теперь ты, Виталик.

Разворачиваюсь лицом к большому кабинету и застываю на месте. Два молодых парня стоят возле стола нашего помощника Виталика и сербают кофе из фирменных чашек, а возле тумбочки, на которой стоит кофемашина, маячит соблазнительная женская попка в бежевой юбке в обтяжку. Барышня что-то выискивает в тумбочке, переставляя банки с кофе и сахаром, меняя местами пачки с печеньем и чаем. Я слегка хмурюсь.

– Вы кто? – спрашиваю.

– Стажеры, – отвечает один из парней. – Нас Никита нанял.

– Давно?

– Эм-м-м, неделю назад было собеседование. Сегодня первый день.

Я киваю.

– Имена?

– Иван, – отвечает один.

– Виталик, – отзывается второй.

– Макар, – называю свое имя и подхожу к ним, пожимая по очереди протянутые руки. Перевожу взгляд на девушку. – А ты кто?

– Она в наушниках, – отвечает Иван.

Я подхожу ближе и тыкаю указательным пальцем в полушарие упругой попки, краем сознания отмечая ее соблазнительность. Трахнул бы, но на работе ни-ни. Обладательница попки резко выпрямляется, протаранивая головой тумбочку, и мы все, как по команде, кривимся, потому что слышим сдавленное шипение с ее стороны. Девушка хватается за ушибленную часть и наконец полностью выравнивается и поворачивается ко мне лицом, одновременно с этим вытаскивая наушники из ушей, потянув за проводок. Не надо! Отвернись! Да за что все это на мою грешную голову?! А ведь бабушка говорила, что боженька накажет меня за то что «пипиську теребонькаю». И наказывает, причем самым извращенным способом.

– Какого черта ты здесь делаешь? – привычно рычу на эту блондинистую маленькую ведьму, уже хватая ее за локоть и волоча в свою пещеру... в смысле в кабинет. Она пытается вырваться из моей хватки, но у нее ничего не получается, кроме как семенить за мной на каблуках и возмущенно раздувать ноздри.

Я завожу Соню в кабинет и захлопываю за нами дверь. Она тут же окидывает взглядом помещение.

– О, а тут я еще не была, – произносит она и пытается сделать шаг в сторону, но я резко торможу ее.

– Еще раз спрашиваю: что ты здесь делаешь? Я же уже поставил экзамен. Что еще ты хочешь?

– А, ну так меня Никита Сергеевич... то есть, Никита... нанял стажером на все лето.

Засранка нагло улыбается и задирает подбородок. Снова смотрит с вызовом, а мне хочется... Ох, блядь, мне просто хочется. Я делаю глубокий вдох, и это снова мимо кассы, потому что ноздри тут же заполняет легкий соблазнительный запах. Вот как она это делает? То на парах меня изводила, теперь вот на работе. А, ну да, еще и дома побывала.

Я распахиваю дверь и киваю Софье на выход.

– Иди.

– Вот так просто? – спрашивает она, как ни в чем не бывало.

– Софья, покинь мой кабинет.

– Ладно, – тянет она, выходя за двери. – Кстати, я ваша рабыня на целую неделю, – бросает негодница и, виляя задницей, идет в общий кабинет.

Моя рабыня на неделю. Ох, блядь, ну неужели мама девочку не научила не разбрасываться такими фразами в адрес голодных взрослых дяденек? Я же и порвать могу. В свете моих подозрений о девственном статусе этой юной соблазнительницы, слово «порвать» обрело новый смысл. Я крепко сжимаю челюсти и вылетаю из своего кабинета, готовый порвать сейчас единственного человека – своего друга Никитоса.

Врываюсь в кабинет Никиты и с порога рычу:

— Королев! – За мной с грохотом захлопывается дверь. Оба моих друга и деловых партнера сидят, развалившись в креслах, у стола Никиты.

— Ого, у тебя рожа красная, — выдает Рома, и я даже начинаю задыхаться от его пренебрежительного тона.

— Это ты принимал Соню на работу? – я нависаю над столом Никиты, упершись в него кулаками. Роман отъезжает немного в сторону.

— Соню? Какую Соню? А, Софию Силантьеву? Ну я, а что?

— Уволь ее!

— С хера ли?

— Блядь, Никитос, просто уволь, мужик.

— Та не-е-е, — тянет Рома. – Так не пойдет, Макар. Девочка тут свою очаровательную задницу надрывает с понедельника. И надо сказать, отлично справляется. Умненькая, исполнительная. В судах, куда мы с ней ездили, хватает все налету, сразу устанавливает связи. С кем бы ее ни познакомил, все очарованы юным дарованием. У нее большое будущее, и я был бы рад, если бы оно началось с нашей фирмы.

Я резко тараню столешницу кулаком, а потом издаю какой-то животный рык и резко разворачиваюсь к окну, сжимая затылок. Смотрю на проезжающие мимо машины, на проходящих вдоль здания людей, и не вижу их, потому что перед глазами практически голая Силантьева в моей квартире.

— Мак, какого черта происходит? – спрашивает Никита, вырывая меня из задумчивости.

— Пиздец происходит, мужики, — севшим голосом отвечаю я. – Я охренеть, как сильно хочу нашу стажерку, а еще чуть больше пары недель назад я чуть не трахнул ее в своей квартире.

— Я сейчас услышал то же, что и ты? – спрашивает Рома, и я понимаю, как хреново все это звучит. Зажмуриваюсь и упираюсь локтем в стекло, а лбом в сжатый кулак.

На некоторое время в кабинете повисает тишина, что даже через звуконепроницаемые окна я могу услышать приглушенный гул автомобилей. Мне надо рассказать, чтобы парни поняли, но язык как будто присох к небу, не желая двигаться. Сделав над собой усилие, я открываю рот.

— Короче, Соня – моя студентка.

Кто-то из них присвистывает, но я не поворачиваясь лицом, продолжаю сверлить взглядом стекло.

— Тогда почему ты скрывал от нас этот бриллиант от юриспруденции? – спрашивает Рома, а мне хочется зарядить ему между глаз, чтобы перестал говорить таким издевательским тоном.

– Потому что я пытаюсь ее скрыть даже от себя.

— То есть, это ты тот самый говнопрепод по международному, который не дает Софии жизни в универе? – спрашивает Никитос, и я наконец поворачиваюсь к ним лицом, вопросительно глядя на друга.

— Говнопрепод? – выходит со злостью.

— Ну да, она сказала, что почти отличница, но благодаря препода по международному никак не может вытянуть сессию.

— Я ей, блядь, вытяну эту сессию. Она с комиссией пересдавать будет, — резко отвечаю я и вылетаю из кабинета.

Несусь к себе. Запереться ото всех и отдышаться, чтобы не наломать дров. Например, не позвонить на кафедру и не сказать, что ошибочно выставил Силантьевой оценку, что на самом деле она ни хрена не подготовилась. Мне становится еще сложнее, когда я вижу, как она смеется над какой-то шуткой Виталика. И да, ему тоже хочется смазать по роже, чтобы не приближался к ней на такое расстояние. Слишком интимно для коллег. Вхожу в кабинет и закрываю за собой дверь. Прислоняюсь к ней спиной и врезаюсь затылком в деревянное полотно. Крепко зажмуриваюсь, считая до двадцати, а потом в обратном порядке.

Глава 2

Макар

– Макар! – слышу у себя за спиной и медленно поворачиваюсь, приподняв одну бровь. Софья, видя мою реакцию, немного скисает и добавляет тише: – Ильич.

– Ну? – подначиваю ее произнести то, что собиралась.

– Никита сказал, что я на сегодня приставлена к тебе... вам.

Я закатываю глаза.

– А что, в офисе не нашлось работы для безупречной стажерки? Ты прямо нарасхват.

Она прищуривается и смотрит с вызовом.

– А что вас так задевает?

– С чего ты взяла, что меня что-то задевает? Просто не люблю таскать за собой хвост.

– А Илона рассказывала, что вы с радостью возили ее повсюду две недели, когда она только пришла.

– А Илоне надо вырвать язык и, засушив, повесить над дверью на входе в офис в назидание будущим поколениям, – бурчу я и киваю на пассажирскую дверь машины. – Садись.

Как только занимаю водительское место, едва сдерживаюсь, чтобы не вспомнить весь свой запас обценной лексики. Запах Софии тут же заполняет салон автомобиля, не оставляя мне шанса дышать полной грудью. Воздух просто застревает где-то в горле, не продвигаясь дальше. Так я рискую заработать

гипервентиляцию. Трогаюсь с места, надев солнцезащитные очки.

– Где твои очки? – спрашиваю у Сони.

– У меня их нет.

– Почему?

Она пожимает хрупкими плечами, привлекая мое внимание к покачнувшейся от этого жеста груди. Я сглатываю скопившуюся слюну и перевожу взгляд на дорогу.

– Они мне не нужны.

– Не боишься морщин?

– Рано еще об этом думать.

Ну и ладно. Мне-то какая разница, что там будет с ее глазами? Но рука уже сама тянется к бардачку, задевая коленку Сони. Пальцы простреливает электричеством, и я бросаю на девушку мимолетный взгляд. Она смотрит на меня с таким же изумлением, которое – уверен – читается и в моем взгляде. Выхватываю забытые моей сестрой «авиаторы» из бардачка и протягиваю Соне.

– Надевай.

Она поднимает с коленей руки, как будто я пытаюсь наградить ее какой-то заразой, передав очки.

– Мне не надо, сказала же.

– Соня, не спорь, – рычу я. Что-то часто в последнее время я разговариваю таким тоном. – Это очки моей сестры.

– Мне все равно, чьи они. Хоть вашей любовницы.

Я усмехаюсь и все равно кладу очки на колени Софии.

– Почему ты не допускаешь, что у меня есть девушка?

– Да кто выдержит такой характер? – выпаливает она, а потом ее щеки резко окрашиваются в красный. Член тут же, как по команде, дергается в штанах, тараня ширинку. – Ой, простите. Наверное, это было лишнее.

Видимо, в порыве спрятаться от меня, Соня хватает очки и быстро натягивает их на нос. Они слегка великоваты для ее кукольного лица. Аська-то у меня повыше будет и лицо покрупнее, а эта кроха совсем. Сжимаю руль, чтобы не провести пальцами по розовым щечкам, и впериваюсь взглядом в дорогу.

– Значит, выдержать такой характер сложно, – произношу сам для себя.

– Простите, Макар Ильич, это я лягнула, не подумав.

– Ну что ты, Софья, я всегда за честное мнение.

Она замолкает, и я снова смотрю на нее. Почти ничего не вижу, потому что Софья повернута лицом к окну, но бордовые пятна на щеках выдают ее настроение.

– Расскажи мне, как ты попала к нам в офис.

– Да ничего особенного. Ваня подсказал.

– Ваня – это который стажер?

– Ну да. Он учится на год старше, мы общаемся некоторое время.

Я крепко сжимаю челюсти.

– Общаетесь, значит. Встречаешься с ним? – задаю вопрос, а самому хочется гаркнуть на Соню, чтобы ответила отрицательно.

Бля, да что ты творишь, Мак? Она же девочка совсем. Ну зачем она тебе, взрослому мужчине? А ты ей?

– О, нет, мы просто дружим.

– Тебе кто-нибудь говорил, что дружбы между мужчиной и женщиной не существует? – усмехнувшись, спрашиваю я.

– То, что вы не умеете дружить с женщинами, не говорит о том, что такой способности лишены остальные мужчины, – упрямится София, забавляя меня. Она так забавно кусается каждый раз, а потом извиняется и краснеет, и это умиляет. – Ой, наверное, мне лучше молчать.

– Отчего же? Говори, Софья.

– Почему вы меня все время называете Софьей?

– А как?

– Все Соней зовут.

– Так я не все.

– Это я уже поняла, – бубнит она себе под нос. – Макар Ильич, а можно и я вопрос задам?

Я пожимаю плечами, глядя в боковое зеркало, пока паркуюсь у суда.

– Почему вы не давали мне сдать экзамен?

Я глушу мотор и поворачиваюсь к Софии. Прищуриваюсь, глядя на нее.

– Вот смотри. Когда я взял вашу группу, мне сказали, что Силантьева в ней лучшая. Семинары показали, что это не совсем так. – Соня дует губы, глядя на меня недовольно. – Я решил, что ладно, с кем не бывает, ну не подготовилась пару раз. Но активная и внимательная вроде. Потом первая твоя попытка. Что ты

попыталась сделать, Софья? – Она густо краснеет и опускает взгляд, уже не такой смелый. – Ну?

– Списать, – отвечает тихо.

Я киваю, удовлетворенный ответом.

– Что я говорил о списывании?

– Что будете беспощадно удалять списывающих с экзамена.

– Я выполнил свою угрозу?

– Да, – совсем тихо отвечает она.

– Софья, я в курсе, как сложно за два семестра выучить международное право. Знаю, что люди учатся ему пять лет и дальше на работе. Но перед экзаменом можно было выучить хотя бы основные понятия торговых соглашений. Что сделала Силантьева?

– Ой, да ладно, поняла я уже! – в сердцах вскрикивает она, снова сбрасывая очки на колени.

– Аккуратнее с ними, – киваю на ее ноги, – Аська мне мозг съест за них.

София смотрит на очки, а потом, слегка прищурившись, на меня. Аккуратно берет за дужки «авиаторов» и поднимает их вверх, раскрывая так широко, как будто собирается на моих глазах сломать их. Я тоже прищуриваюсь, взглядом подначивая продолжать, потому что мне интересно, как далеко она сможет зайти. Соня, видя мою позицию, слегка сдувается и перекладывает очки на консоль. Я ловлю себя на мысли, что мне нравится происходящее между нами. Кажется, я даже могу почувствовать вибрацию в воздухе от нашего противостояния. Вкусная девочка. Задиристая, упрямая, но вкусная. И сейчас я хочу ее еще сильнее. Новость хреновая, но пережить можно.

Мы, не сговариваясь, одновременно отводим взгляды и выходим из машины. Подхватив с заднего сиденья кожаный портфель с документами, я ставлю

машину на сигналку, и мы с Соней идем к зданию суда.

– Никита выбрал очень неудачный день для экскурсий, – бурчу я.

– Почему?

– Потому что мне надо решить в этом суде пару вопросов, а потом ехать в СИЗО на встречу с клиентом.

Я вижу, как загораются глаза Софии.

– Прямо с настоящим преступником?

– Боюсь, что так.

– А что же вы, Макар Ильич, такой принципиальный человек, а защищаете преступника?

– Кушать же что-то надо, Софья, – отвечаю так, чтобы посмотреть ее реакцию. Брови Сони съезжают к переносице, а во взгляде появляется нечто сродни разочарованию. Она поджимает пухлые губки и отворачивается от меня, глядя перед собой. – Не нравится ответ?

– Разве вам есть дело до моего мнения?

– Ну давай же, принципиальная девочка, выскажи его, мне интересно послушать.

– Перестаньте, ничего вам не интересно.

О, сколько всего относительно тебя мне интересно, ты бы знала, девочка Сонечка.

– Если бы был хоть намек на его участие в этом изнасиловании, – говорю я, понимая, что высказывать свое мнение София не намерена, – то я бы не брался за это дело.

– То есть, вы все же борец за справедливость, – довольно заключает она, словно подловила меня на чем-то запретном.

– Совсем нет. Но есть преступления, которым нет оправдания, и я не хочу марать об это руки.

– А ваши партнеры?

– Мы никогда не берем в работу дела, не посоветовавшись.

София останавливается у ступенек и поворачивается ко мне, всматриваясь в мое лицо.

– Скажите... только честно... вы когда-нибудь защищали в суде человека, заведомо зная, что он совершил это преступление.

– Это – это какое?

София закатывает глаза.

– Любое.

– Защищал.

– Понятно, – изрекает дивное создание и, развернувшись, поднимается по лестнице. Осознав, что я не иду следом, София поворачивается. – Ну вы идете?

Я усмехаюсь и следую за ее очаровательной попкой. Не девчонка, а набор загадок и противоречий. Быстро решив все насущные дела, я знакомлю Соню с нужными для работы людьми, вручаю одной из судей большую коробку ее любимых конфет в качестве благодарности за отложенное заседание, и веду Софию на выход. Надо отдать ей должное, Никитос не соврал. София и правда быстро устанавливает контакт, не теряется и не тушует. Беседу ведет уверенно и, несмотря на свою внешнюю хрупкость, излучает силу и даже некоторую властность. Нравится мне эта девочка, что сказать. Я пытаюсь отыскать в себе такое чувство, которое указывало бы на отцовскую гордость – в конце концов возраст практически позволяет – но нет, ни хрена подобного. Мозг

продолжает фиксировать округлости, облизывание губ и горящий взгляд, полный восторга от происходящего вокруг.

– Макар Ильич, задержитесь, – слышу за спиной голос старого друга Вити, а нынче судьи Виктора Александровича Богомолова.

Разворачиваюсь с улыбкой на лице. Богомолов, как всегда, смотрит с ехидцей, слегка прищутив глаза. Мы пожимаем друг другу руки, не сильно выставляя напоказ наши близкие отношения.

– Я тут покурить собрался выйти. Смотрю в окно, а там твоя машина. Не составишь компанию?

– С радостью.

Мы выходим из здания, спускаемся по ступенькам и отходим немного в сторону, где отведено место для курения. Людей там немного, но мы все равно стараемся держаться на расстоянии от них.

– Не представишь нас?

Вот блядунище, и тут не упустил шанса оценить девушку. Киваю.

– Это София, наш стажер. Софья, Виктор Александрович Богомолов, судья.

– Очень приятно, София. Какие у вас теперь красавицы в стажерах ходят.

– Илоне не говори, мозг выест.

– И мне приятно, – отзывается Соня, с восторгом глядя на Богомолова. Мне хочется поцокать языком и покачать головой. Очарование Вити работает бесперебойно.

Мы закуриваем, и я прошу Софью идти в машину. Она слегка хмурится, но, попрощавшись, уходит.

– Там по Романовскому проблема. Ответчики зашли к председателю.

– Погано, – отвечаю я. – Есть какие-то варианты?

– Есть пара, но не тут. Приезжай в субботу на дачу, Ира будет рада.

– А ты?

Он смеется.

– Ну не выгоню же я старого друга, если приедешь.

Я подхватываю его смех, но он получается натянутый, потому что дело Романовского совсем не хочется завалить.

– Приеду, – киваю я.

– И Софью бери. Там и съешь.

– В смысле?

– В коромысле, – отвечает Витя и, выбросив окурок, хлопает меня по плечу. – Завтра обсудим. Но про Софию я не шутил. Да и ты знаешь, Ирина снова будет нервничать, что у меня в друзьях холостяки.

– Ох, не о нас ей надо переживать, – качаю головой.

– Но мы же ей этого не скажем, – он подмигивает. – Жду к полудню. Софью представь как свою девушку, сделай одолжение.

– Ладно, – отвечаю я, и мы расходимся в разные стороны.

Представить Софию как свою девушку. Надо объявить ей это, когда мы оба будем в машине, и лучше, чтобы двери были заблокированы. Черт его знает, что она отчебучит по этому поводу.

Глава 3

Макар

Я решаю отложить разговор о поездке на дачу Богомолова на более позднее время, сейчас моя голова забита делом, которое он ведет. Если ситуация поворачивается к нам такой задницей, то мы глубоко в ней, потому что у Романовского нет таких денег, чтобы перебить взятку его конкурентов. Хочется верить, что мне хватит мощности хотя бы в апелляции. По дороге Софья пару раз пытается завести разговор, но я отвечаю односложно, и она замолкает, видимо осознав, что сейчас меня не стоит трогать, мне нужно подумать. Паркую машину недалеко от входа и поворачиваюсь к Софье лицом.

– Значит так, с подозреваемым никакого кокетства и панибратства. Он клиент. К тому же, не факт, что так невинен, как может показаться.

– Но вы же сказали, что верите в его невиновность.

– Всегда есть хоть маленький, но процент, что я ошибаюсь. Так что аккуратно. Старайся быть незаметной и молчи все время.

– Ладно, – отзывается она с опаской. – Но я не боюсь.

– Я боюсь, – отвечаю и выхожу из машины.

После коротких обязательных процедур нас наконец провожают в комнату, где мы встречаемся с Артуром Подониным. Усаживаемся с Софьей на неудобные металлические стулья, я достаю диктофон и документы. Соня ерзает на стуле и всем своим видом показывает, насколько ей некомфортно. Будь мы в другой ситуации, я бы усмехнулся. Та, которая гордо заявляла, что хочет работать в уголовке, сжимается от одного вида переговорной в СИЗО, где нет окон и всего одна дверь.

Я подталкиваю к Софье диктофон.

– Пользоваться умеешь?

– Нет. Я для этого использую телефон.

Я быстро объясняю ей, как он работает, и, как только заканчиваю, дверь открывается, и конвоир заводит Артура. Он широко улыбается, глядя на меня.

– Добрый день, Макар Ильич. Рад вас видеть.

Чему меня научили за время стажировки в прокуратуре, так это тому, что преступники – это самые вежливые люди. Я на сто процентов уверен, что Артур не без греха, но мне все еще кажется, что в групповом изнасиловании с летальным исходом он не участвовал.

– Добрый, Артур.

Он размещается напротив и окидывает Софию таким взглядом, который заставляет меня хмуриться. Я понимаю, что для здорового мужика полгода без секса – это как приговор. Но смотреть на мою женщину так я ему не позволял. И черт с ним, что она не моя, он-то этого не знает.

– Артур, – представляется он, пожирая Софию глазами.

– Моя невеста София, – опережаю я ее. Надо отдать Силантьевой должное, на ее лице в этот момент не дергается ни один мускул. Она просто кивает и произносит:

– Приятно познакомиться.

– Ох, Макар, ну кто водит девушку на свидание в СИЗО? Ладно бы мою привел, а свою лучше держать подальше от таких мест.

Я выдавливаю из себя улыбку.

– Моя Соня хочет стать адвокатом по уголовным делам и сейчас стажирруется в моей фирме. Показываю ей, как обстоят дела.

Он кивает.

– Понимаю. Чтобы видела все без романтического флера криминальных фильмов. Добро пожаловать в реальный мир, София, – говорит он, слегка разведя руки, насколько позволяют наручники. А потом он сразу становится серьезным и переводит взгляд на меня. – Ну что там, Макар, долго мне еще тут сидеть?

В этот раз я стараюсь как можно скорее завершить встречу с Артуром, удивив даже его. Но мне просто хочется, чтобы Софья провела в этом месте как можно меньше времени. И еще меня бесят эти взгляды, которые Артур периодически кидает на нее. Мне кажется, если бы меня не было рядом, он бы набросился на нее. Надеюсь, этот опыт переубедит Силантьеву, и она будет заниматься более безопасными делами. Никогда не понимал, что может привлекать женщин в уголовном процессе.

Попрощавшись, мы выходим вслед за Артуром и наконец оказываемся под солнечными лучами во дворе СИЗО. Проходим КПП и наконец оказываемся за высоким забором мрачного учреждения. Бросив портфель на заднее сиденье, я закуриваю, прислонившись к машине и глядя на пустырь перед собой. София становится рядом.

– Он врёт, – спокойно произносит она.

– О чем?

– О том, что невиновен. Может быть, он и не был непосредственным участником процесса, но соучастником точно был.

– И как ты это поняла?

– Физиогномика, – авторитетно заключает она, и я впервые за последние пару часов улыбаюсь искренне. Поворачиваюсь к ней лицом и склоняю голову набок.

– Ну давай, «физиогномик», расскажи подробнее.

– Вы смотрели сериал «Теория лжи»? – я качаю головой, забавляясь тем, как София с важным видом собирается посвятить меня в какую-то страшную тайну. – Так вот там про ложь прямо все признаки. Нет, ну правда, почему вы улыбаетесь? Вот смотрите, Артур, когда вы начали задавать вопросы про события той ночи, сразу отвел взгляд и возмутился, что ему надо снова все пересказывать.

– Может, он просто устал за эти полгода?

Она качает головой.

– Нет, дело не в этом. Даже когда человек устал, но от этого рассказа зависит его свобода, он надуется, но не будет возмущаться. А знаете почему? – Она подогревает свой триумф, готовится к нему, еще не зная, что я все это уже просек. Но пусть поиграется. – Не знаете, – довольно заключает Соня. – А потому что ему снова придется вспоминать свою ложь. Если бы он говорил правду, ему бы не составило труда ее повторить. Вот. А еще он поджимал губы, когда вы задавали уточняющие вопросы, и тер шею, когда отвечал.

Я улыбаюсь.

– Все? – спрашиваю, когда она замолкает, София кивает с довольным видом, только того что руки в боки не ставит. – А теперь слушай меня, физиогномик. Возмущается он, потому что мы все это обсуждали уже примерно пятнадцатый раз. Поджимать губы человек может также в случае, если тема ему неприятна. Шею может тереть, потому что на нарах, София, не так приятно спать, как дома, и там могут быть постельные клещи. И если бы ты обратила внимание, он периодически чесал то руку, то ногу, а на предплечье у него красные пятна от укусов этих самых клещей. Так что по возвращении домой рекомендую одежду сразу выстирать.

Она хмурится.

– Как у вас все просто.

– А ты выдумываешь то, чего нет. Физиогномика – это, по большому счету, недоказанная псевдонаука, в которую я в принципе не верю. Да, несомненно, язык жестов существует, но я больше привык верить фактам. И все они

указывают на то, что Артур невиновен. Во всяком случае, в этом преступлении.

– Тогда почему назвали меня невестой?

– Я же сказал: невиновен в этом преступлении, но у него за душой хватает грехов.

София недовольно складывает руки на груди и сверлит взглядом горизонт.

– Я все равно не верю в его непричастность.

– У тебя есть все шансы убедить меня в обратном.

– И тогда вы откажетесь от этого дела?

– Скорая ты на расправу, София батьковна.

– Борисовна, – поправляет она меня.

– Ну так вот, Борисовна. Найдешь что-то стоящее по его делу, обещаю рассмотреть вопрос прекращения нашей работы с Артуром. Если твои слова не будут ничем подкреплены, тогда ты смиряешься и живешь дальше. Усекла?

– Усекла, – соглашается она с недовольством в голосе.

– А завтра ты едешь со мной на дачу к Богомолу. В качестве моей девушки, – заканчиваю я и, не глядя на ее реакцию, выбрасываю окурок щелчком и сажусь в машину.

Как только завожу мотор, Соня приземляется на соседнее сиденье и хлопает дверцей.

– Это в каком смысле? – возмущенно спрашивает она.

– Пристегнись, – команду, отъезжая от парковки. – А в смысле самом прямом. Богомол пригласил к себе на дачу. У них с женой не всегда все ровно, так что

она не жалуется его неженатым друзьям. А мы дружим со времен института. В городе, как ты понимаешь, мы с ним не можем встречаться и обсуждать дела насущные, так что периодически я навещаю их на даче. Ира злится и негодует, что я до сих пор не пристроен, так что завтра ты будешь играть почетную роль моей девушки для отвода ревнивых глаз Богомоловой.

– А если я не соглашусь?

Я пожимаю плечами.

– Тогда у тебя не будет шанса пообщаться с опытным помощником прокурора.

– Это Богомолова? О, это та самая Богомолова из областной прокуратуры?

Я улыбаюсь, радуясь произведенному эффекту.

– Та самая.

Та, которая раскрыла громкое дело год назад. Интервью с Ириной облетело все центральные каналы. Это было жесткое время для их семьи, племянников пришлось вывезти за границу с родителями Ирины, потому что их жизням постоянно угрожала опасность. Но все уже позади благодаря профессионализму Иры и связям самого Богомолова. Преступников закрыли достаточно быстро и очень громко, что обеспечило безопасность семье Богомоловых.

– О, я еду, – выпаливает Соня.

– Конечно, едешь. Захвати купальник, у них отличный бассейн.

– А мы там до вечера пробудем?

– Да, до вечера воскресенья.

– Что, и ночевать останемся?

– Да. Боишься, что съем?

Она нервно хихикает.

– Это вряд ли.

Ой, зря ты так думаешь, девочка Соня. Будь моя воля, я бы уже сожрал, не оставив ни косточки. И завтра мне предстоит бешеное испытание моей выдержки. Соня. Бассейн. Купальник. Постель, и Соня рядом. Картинки мелькают перед глазами, сменяя друг друга, и я понимаю, что мне придется приложить немалые усилия, чтобы не наброситься на невинную девочку. Единственный вариант – напиться так, чтоб член не встал. Тогда будет пофигу.

Глава 4

Макар

– Будут какие-то особые замечания? – спрашивает София, садясь на пассажирское сиденье на следующий день.

– О чем ты?

Мы отъезжаем от ее общежития и направляемся за город. Прошлой ночью я никак не мог уснуть, потому что перед глазами стоял фильм с Силантьевой в главной роли и рейтингом восемнадцать плюс. Пришлось передернуть, чтобы наконец отдаться Морфею целиком, а не балансировать на грани сна с реальностью.

– Ну, например, не говорить чего-то в их присутствии. Не называть вас на «вы» и по имени-отчеству.

Я криво ухмыляюсь.

– На «вы» и по имени-отчеству точно не стоит. В остальном... наверное, мне придется прикасаться к тебе, так что не отшатывайся.

– Вам это так неприятно?

Я бросаю на Софию быстрый взгляд и снова поворачиваюсь к дороге.

– С чего ты взяла?

– Вы таким тоном произнесли это, как будто вам придется облизывать жабу.

– Не говори глупостей и не придумывай то, чего нет.

Мы прибываем на дачу Богомолова ровно к назначенному времени. Ладно, с опозданием на пару минут. Как только подъезжаем, я коротко сигналию, и ворота через минуту отъезжают в сторону, впуская нас на подъездную дорожку.

Паркую машину сразу за автомобилем Вити и, как только мы с Софьей открываем двери, хозяин дома выходит из-за дома, широко улыбаясь.

– Ну наконец-то! Пиво взял?

– Все взял, – отвечаю, качая головой.

Витя пожимает мне руку, а сам ощупывает взглядом затянутую в шорты попку Софии, которая торчит из машины, пока она сама вытаскивает свою сумку с заднего сиденья. Ну что за привычка у этой девочки вечно вставать в такую позу? Неосознанно двигаюсь в сторону, перекрывая своему другу вид на аппетитные полушария Силантьевой.

– Пойдем, заберем все.

Мы подходим к машине, и в этот момент Соня как раз поворачивается к нам лицом. Наконец-то.

– Здравствуйте, Виктор Александрович, – произносит она.

Витя протягивает руку, Софья – свою, и этот дамский угодник тут же целует тыльную сторону ее ладони. Так бы и вырвал ему конечность.

– Очень приятно снова видеть вас, Сонечка. И давай сразу на «ты» и по имени, а то будет как-то странно сидеть в одной компании и «выкать».

– Хорошо, – щечки Сони слегка розовеют, и она быстро отводит взгляд.

Богомоллов смотрит на меня с пониманием. Неужели у меня на лице написана такая же, как у него, реакция на Соню?

Мы забираем вещи и покупки, заносим все это в дом. Знакомство с Ириной получается довольно быстрым, потому что она занята готовкой. Соня смотрит на жену моего друга как на богиню воплоти и обещает помочь, как только забросит вещи в комнату и помоеет руки. Мы поднимаемся на второй этаж в отведенную нам спальню. Я бросаю взгляд на двуспальную кровать, мысленно проклиная Богомоллова за то, что поставил меня в такое положение. Как я буду спать с ней на одной кровати, черт подери? Соня старается не смотреть на ложе, быстро сбегая в ванную комнату тут же при спальне, а потом – вниз к Ире. А дальше все идет как по накатанной. Девочки готовят обед в кухне, мы с Витей пьем пиво у бассейна, переодевшись в купальные шорты, а потом все вместе садимся за стол на террасе.

– Собственно, самое страшное в нашей работе, – продолжает Ирина начатый, видимо, с Соней на кухне диалог, – это остаться без защиты. Мне повезло, что у меня такой муж, иначе я не знаю, чем бы закончилось для меня дело Наумова.

– Говорят, он умер в тюрьме.

Ирина пожимает плечами.

– Умер сам или помогли, непонятно. Да и не мой это вопрос больше, пусть в тюрьме разбираются.

– Ох, у меня бы, наверное, сердце от страха остановилось, будь я на вашем месте, – с придыханием произносит София.

Мне не нравится ее интерес к уголовке. Не знаю, почему, просто иррациональное чувство раздражения, посещающее меня всякий раз, когда она говорит о своем увлечении этой отраслью. Я хмуро смотрю на нее, ловя каждую

реакцию на сказанное Богомоловой.

– Макар, да расслабься, – смеется Ира, заметив мою реакцию. – Соне бояться нечего, у нее же есть ты. Хотя если так посудить... – она легонько стучит зубцами вилки по губе, – ... то если Соня пойдет в прокуратуру, вы окажетесь по разные стороны баррикад. Но и это решаемо самоотводом Сони или твоим. В общем, подружитесь, раз дошли до этапа совместного проживания.

Ну, Витя, спасибо, удружил. Я мечу в него зрительные молнии, но мой приятель улыбается и довольно потягивает пиво, как ни в чем ни бывало. Говнюк. Смотрю на Соню и в который раз убеждаюсь, что она умеет держать покерфейс не хуже опытных адвокатов. Дальше обед протекает в болтовне ни о чем, мы вспоминаем студенческие годы, как это обычно бывает, а Соня смеется над нашими приключениями и задает уточняющие вопросы. Мы плавно перемещаемся к бассейну, пока девочки убирают со стола, а уже минут через пятнадцать они присоединяются к нам, и тут начинается настоящий ад. Тот самый, в котором мне приготовлен отдельный котел за похотливые мысли в отношении юной девушки. София в купальнике, а я уже после пары бутылок пива, что подразумевает более быстрый ток крови. И, кажется, она у меня стремится не туда, куда нужно, концентрируясь в нижнем полушарии.

Я видел Силантьеву в кружевном нижнем белье. Старался не смотреть, но взгляд все равно скользнул по соблазнительным изгибам. Сейчас же мне вроде как по статусу положено жадно рассматривать тело Сони, и я этим нагло пользуюсь. Пока она идет к бассейну, покачивая упругой попкой, я не свожу с нее взгляда. Черт его знает, как смогу спать рядом с ней и не касаться, но мне придется очень сильно стараться, чтобы удержать член в штанах.

– Хороша, – констатирует Витя, даже не глядя на свою красавицу-жену.

А ведь Ирина была чуть ли не королевой курса, за ней таскались даже самые завидные женихи, а выбрала она Витю, который, что странно, совершенно не оценил оказанного ему высокого доверия. Чуть ли не со свадьбы таскается по бабам, но, похоже, и Ира не лишена его щедрого внимания, если судить по игривым взглядам, которыми они периодически обмениваются. Никогда не понимал цели жениться, а потом изменять. Я, наверное, поэтому и не тороплюсь связывать себя узами брака, потому что еще не встретил женщину, ради которой готов изменить свой образ жизни. Ту, доверие которой побоюсь – да и не захочу в принципе – предать. Мама утверждает, что чем я старше, тем

меньше у меня будет желание остепениться. Интересно, меньше, чем ноль, оно может быть? Думаю, по шкале маминых принципов вполне.

– Дай поиграть, – произносит Витя, вырывая меня из мыслей. Я смотрю на него вопросительно. – Соню. Дай поиграть. Сладка такая, сожрал бы.

Я хмурюсь, сжимая челюсти.

– После нашего разговора я посмотрел на нее другими глазами, так что теперь мы на самом деле встречаемся.

Брови Вити резко подскакивают вверх.

– Заливаешь, – говорит он с ехидной ухмылкой, я же остаюсь серьезным.

– Ни капли.

– Да ты даже не прикоснулся к ней ни разу.

– Соня не очень любит публичное выражение чувств.

– Ого, уже и чувства есть? Быстро ты.

Витя снова смотрит на бассейн, где плещутся девушки, и я тоже перевожу туда взгляд.

– А чего тянуть? Такую девушку за секунду уведут из-под носа, и оглянуться не успею.

– Что правда, то правда. Поговорим о делах наших скорбных, пока язык не заплетается? – серьезно спрашивает Богомолов, и мы погружаемся в беседу о работе.

– Ну мальчики, ну вы опять! – недовольно тянет Ира, выходя из бассейна спустя минут двадцать. – Витя, ты же обещал, что о работе ни-ни.

– Ни в коем случае, моя мышка! – восклицает он с улыбкой. – Я просто не мог такого обещать.

Она притворно хмурится и, подойдя к нему, выжимает на его разогретый солнцем живот влагу с волос. Он вскрикивает и, хохоча, подскакивает с шезлонга, буквально налету сносит Ирину с ног и запрыгивает вместе с ней в бассейн. Соня проходит к шезлонгам, на одном из которых стопкой сложены принесенные Ирой полотенца. Я не свожу взгляда с ее затвердевших сосков, контуры которых четко просматриваются под тонкой тканью купальника. Силантьева быстро заворачивается в огромное белое полотенце и садится на край того же шезлонга. Я отставляю пиво на столик, развожу ноги и ставлю ступни на кафедру.

– Иди сюда, Софья, – показываю ей на место между моих ног.

– Что? Зачем это?

Я подаюсь немного вперед и снижаю голос.

– Нас обвинили в том, что мы не касаемся друг друга.

– Ну и что? Мы же не обязаны...

– Соня, иди сюда.

Ее брови удивленно подскакивают, а на лице играет небольшая улыбка.

– Вы... ты назвал меня Соней. Это первый раз.

– Оговорился, наверное. Ну ты идешь?

Она поднимается со своего места и садится, куда я ее пригласил, боком ко мне. Я подхватываю ее за талию разворачиваю спиной к себе и резко притягиваю к своему телу. Она вздрагивает и напрягается, но не отстраняется, что уже хорошо.

– Мы же просто играем, – тихо говорит она.

– Да, тут главное быть убедительными.

– О чем ты?.. О-о-о, – выдыхает она, когда я пробегаюсь губами по ее прохладной шее. Не могу удержаться. Для Сони все это выглядит как показательное выступление перед Богомолочными, а мне алкоголь ударил в голову и хочется приключений. Острых таких, на грани здравого смысла. – Что вы... ты... делаешь...те? – дрожащим шепотом спрашивает она, пока я губами собираю с ее кожи мурашки. Что я, на хрен, делаю? Сам не понимаю, но оторваться не могу. Софья пахнет слегка сладковатыми духами, но мне, как ни странно, нравится.

– Так, голубки, прекращайте, – раздается над нашими головами, и я наконец отрываюсь от Софии. Витя смотрит на нас с улыбкой. – Предлагаю разжигать мангал через часик.

– Согласен, – отзываюсь я, прижимая Софью ближе к себе. Мое сердце колотится на разрыв, и я малодушно прикрываюсь Силантьевой, чтобы никто не пялился на мой каменный член.

– Мы же только недавно поели, – говорит Ира, устраиваясь на шезлонге рядом с мужем. Он тут же протягивает ей бутылку пива.

– Так когда это было? К тому же, мышонок, мангал – это целый ритуал. Разжечь, подождать, пока дровишки перегорят. Ты представляешь себе, сколько времени это займет? Как раз к ужину будут шашлыки.

– Обожаю шашлыки, – наконец подает голос Соня, отмерев после моего нападения.

– Правда? – вырывается из меня.

– Да. Очень люблю, – подтверждает она, а потом, удивив меня, берет со столика мою бутылку с пивом и делает несколько глотков. За обедом она не пила, и я подумал, что Силантьева совсем не употребляет алкоголь, но, похоже, ошибся.

– А я больше рыбку люблю, – тянет Ирина, прикрывая глаза.

И снова наша беседа приобретает легкий оттенок. Мы говорим обо всем и ни о чем в то же самое время. И мне так кайфово. Соня расслабилась и теперь спокойно прижимается спиной к моей груди, а я вывожу ленивые круги на ее бедре. Она не сопротивляется, не спорит, не отодвигается. Спокойно воспринимает каждое мое действие, только периодически вздрагивает, когда мурашек на ее коже становится слишком много. Хочется верить, что они появляются не от того, что дело близится к вечеру и она замерзает, а от моих прикосновений. На черта я сам себя затягиваю в этот омут, непонятно.

Глава 5

Макар

Витя переворачивает шампуры и травит байки. Откуда только у него в запасе такое количество историй? Мы все переоделись в сухую одежду, вечером стало немного прохладнее, так что в бассейн вряд ли кто-то еще сунется. Хотя кто знает... Соня устроила мне еще один сеанс пытки, искупавшись и снова представ передо мной с торчащими сосками. Нужно ли говорить, что мой взгляд блуждал между ее грудью и трусиками купальника, которые облепили нежные губки, от одного вида которых рот наполнялся слюной? Как издевается, честное слово.

Мы стоим у мангала, надрывая животы от Богомоловских историй, и я нагло прижимаю Софью к себе за талию. Мы все уже изрядно выпили, и границы реальности начали стираться. Я все еще делаю вид, что играю на публику, а Соня теперь довольно охотно подыгрывает мне. Она периодически вытаскивает из моих пальцев бутылку пива и прикладывается к ней губами, а я, как заправский маньяк, мысленно фотографирую эту картинку. Вообще вот такое распивание из одной бутылки кажется чем-то нереально интимным. Практически как поцелуй или прикосновения, разница только в том, что мы делаем это не напрямую. Моя ладонь лежит на изгибе талии Софьи, пока большой палец нагло гладит обнаженную кожу в широком вырезе для рук ее футболки без рукавов. Или это майка? Я так и не понял, если честно. Да и какая разница, если моим шаловливым пальцам есть доступ к нежной коже? Я буквально могу пощупать мурашки подушечкой большого пальца, и мне вставляет от этого ощущения.

– Не замерзла? – спрашиваю только для того, чтобы потереться носом о висок Сони и вдохнуть ее запах. Она застывает, а потом легонько качает головой. Ох, и пожалею я завтра о своих вольностях, но сегодня меня несет алкоголь и близость Софы.

– Соня, у тебя в семье есть юристы? – спрашивает Ирина.

– У меня... – Соня тяжело сглатывает, – только бабушка. Она... м-м-м... не юрист.

– Оу, – это все, что отвечает Ира, и я жалею, что каждый из нас достаточно тактичен, чтобы не задать вопрос о родителях. Меня посещает иррациональная жажда узнать о Соне как можно больше, хоть здоровой частью рассудка я понимаю, что это утопия.

Мы все замолкаем на некоторое время, наблюдая за тем, как, шипя, поджаривается мясо. Я крепче прижимаю к себе Софию, наверное, пытаюсь компенсировать ей недополученное родительское тепло. Сам не понимаю, что творю, но склоняюсь к ней и целую в висок. Легонько, едва касаясь, но я чувствую сейчас в себе эту потребность и воплощаю ее.

– Так, шашлыки почти готовы. Ирочка, салатик, соус, все дела, – Витя разрушает тяжелую атмосферу шутливым тоном.

– Ох, точно. Сонь, поможешь? – спохватывается Ира, отлипая от мужа.

– Конечно.

Девочки убегают в дом, обсуждая, что надо вынести к столу, а мы с Богомолковым остаемся наедине.

– Крепко тебя взяло, – он кивает на вход в дом. – Что у нее за история с родителями?

– Понятия не имею, – отвечаю я, падая в ротанговое кресло.

– Сколько вы вместе?

– Пару дней, – я пожимаю плечами.

Витя ухмыляется.

– Так вот почему ты безостановочно шаришь по ее телу. Надеешься на сладенькое сегодня?

– Прекращай, – со смехом отзываюсь я. Знаю, что сейчас он начнет строить предположения, как пройдет наша с Соней ночь.

– Ночной заплыв устроим? – он играет бровями, а я качаю головой. Ночной заплыв – это в озере голыми.

– Мы уже не в том возрасте.

– Да брось. Это же самая веселая часть. Когда ты стал брюзгой?

– Сам не заметил, – бубню я, отпивая пиво.

За ужином я смотрю, как Соня жадно впивается зубками в сочный шашлык и слушаю, как она тихонько стонет от удовольствия, пока у меня в паху сводит от тянущего неудовлетворенного желания. Даже закрадывается мысль спрятаться в ванной и сбросить напряжение, но я отбрасываю ее. Я что, подросток, что ли? Когда мы разделяемся с мясом и овощами, София откидывается в кресле, довольно потирая живот.

– Давно не ужинала так плотно. Спасибо, ребята. Шашлык был потрясающим.

– Ты погоди, не торопись, Витя еще люля-кебаб будет жарить, – хмыкает Ира, а у Сони глаза становятся размером с тарелку, которую она минуту назад подчистила.

– Да куда еще? Мы же лопнем.

Ирина вопросительно смотрит на Витю, и я понимаю, к чему идет дело. Богомоллов довольно оскаливается и салютует нам пивом.

– Так мы это растрясем и выгуляем.

– В каком смысле?

Взгляд Сони блуждает между нами всеми, я качаю головой, Ирина коварно улыбается, а Витя озвучивает свою идею:

– Так мы, как стемнеет, на озеро пойдем. Есть у нас некоторого рода студенческая традиция. Мы на этом озере по ночам голыми купаемся.

– Ого-о-о, – тянет Софья, глядя на меня удивленно.

– Да, у наших родителей в этом поселке дачи, так что мы студентами постоянно тусили тут летом и гоняли на озеро купаться голышом. Вот время было, да?

– Да уж, – отвечаю я.

– И у твоих родителей тут дача? – спрашивает меня Соня.

– Уже нет. Они в разводе несколько лет, дачу продали.

– А почему не отдали тебе?

– А зачем? Когда мне хочется на природу, я приезжаю к Вите с Ирой, тут и отдыхаю.

– Да, если бы у него была дача, мы бы толком и не виделись, – восклицает Витя.

– Почему это? Вы же, я так поняла, были соседями?

– А ты вытащи его из дому. Он как приезжает на природу, все время дрыхнет. Ночью в комнате, днем в гамаке.

– Это потому что я много работаю и устаю.

– Это потому что ты ненормальный. Так и сдохнуть к сорокету можно.

– Не исключено, – соглашаюсь я. Работаю я и правда на износ. Мы все трое так обычно работаем, но один из нас откололся, потому что погряз в отношениях. Никитос теперь старается уходить домой вовремя с тех пор, как заполучил свою судью в полное и безраздельное владение. Вроде как даже о женитьбе подумывает.

– Так что с купанием? – не унимается Виктор.

– Обязательно голышом? – осведомляется Софья.

Он с энтузиазмом кивает. Я незаметно качаю головой, чтобы тормознуть друга, но ему все нипочем.

– Конечно! В этом же самый цимес! Ну же, Соня, соглашайся. Ты уже большая девочка, чтобы быть такой стесняшкой.

Да не большая она. Маленькая. Я хочу, чтобы Витя оставил затею, а честная часть меня горит от желания провернуть такое с Соней. Хочу посмотреть на нее всю. Увидеть в лунном свете соски, которые и так целый день меня дразнят. Бля, не к добру все это, нам же спать еще потом вместе.

Внезапно раздается звонок от ворот. Витя поднимается и обходит дом, а через пару минут возвращается, смеясь. За ним идет наш старый знакомый и сосед по даче Влад Заричанский с женой Настей. Влад тащит в руках ящик пива, улыбается и кивает нам. Ну все, это писец, вечер теперь никогда не закончится. И да, мы по-любому пойдем купаться голышом.

– Смотрите, кто приехал! – радостно восклицает Витя. – Я уж и не чаял.

Я поднимаюсь и, как только Влад ставит ящик и целует Иру в щеку, пожимаю ему руку и мы обнимаемся.

– Чертяка, сто лет тебя не видел, – говорит он.

– Депутатам не положено якшаться с простым народом, – отзываюсь я.

– Это ты-то простой народ? – усмехается он, хлопая меня по плечу. – Слышала, Насть?

Он поворачивается к своей жене, и та смеется в унисон с мужем. Потом подходит и обнимает меня.

– Привет, простой ты наш.

– И тебе привет, красавица.

– Эй, ты полегче там с моей женой, – восклицает Влад и толкает меня в плечо, смеясь. – Она уже давно принадлежит мне.

– Я и не посягаю.

– А Макар у нас сегодня со своим самоваром в гости пожаловал, – говорит Витя, обращая внимание всей компании на скромно притихшую Соню.

София, заметив обращенное на нее внимание, встает, выпрямляясь, и я тут же притягиваю ее к себе за плечи.

– Знакомьтесь, моя девушка Соня.

Настя заинтересованно склоняет голову набок, рассматривая Силантьеву, а Влад уже рвется пожать ей руку.

– Надо же... даже не знаю, что сказать, – произносит он. – Очень приятно познакомиться. Я – Влад, старый... кто? Друг? – спрашивает он меня с издевкой.

– Конкурент, – отвечаю я со смехом.

София смотрит на нас растерянno, переводя взгляд с меня на Влада и обратно.

– Ой, ладно, хватит путать девочку, – машет на них Настя, подходит к Соне и подружески обнимает ее. – Рада с тобой познакомиться, Лунная радуга.

– Лунная радуга? – в недоумении переспрашивает София.

– Крайне редкое явление, – Настя переводит взгляд на меня, – практически невозможное. Прямо как остепенившийся Макар.

Я закатываю глаза.

– Так все, хватит, – обрубая их дальнейший стеб.

– Насть, тут аккуратно надо, чтоб не спугнуть Сонечку, – заговорщическим голосом произносит Ирина, – а то потом будем и дальше ждать нашу Радугу.

Мы перемещаемся к мангалу, где Витя уже разжигает поленья, а Ира приносит заготовленный люля-кебаб для вновь прибывших.

– Я думал, вы уже не приедете, – говорит Богомоллов Владу.

– Я вообще не знал, что приезжаете, – добавляю я.

– Мы тебе не говорили, чтобы ты не сбежал, – смеется Влад. – На самом деле, как я тебе и говорил, думал, не получится. А в последний момент Настюхины родители прикатили, мы быстро скинули им детей и свалили на все выходные.

– О, так ты остаешься до понедельника? – радостно спрашивает Витя.

– Даже до вторника, – отвечает Влад, подняв указательный палец.

– Макар, можно спросить? – тихо шепчет мне на ухо Софья.

– Конечно, – отвечаю, наклонившись к ней. Меня слегка ведет от нашей близости. Хочу притвориться, что мы не играем в игру, что все взаправду.

– Расскажи про конкуренцию. Интересно, – она смущенно улыбается, и мои губы тоже растягиваются.

– Расскажу, но только на ушко.

– Мгм, – соглашается она, подставляя мне ухо, и я начинаю, то и дело касаясь раковинки губами:

– У нас с Владом была борьба за внимание Насти. В дачном поселке она появилась намного позже нас всех, приехав сюда со своими бабушкой и дедушкой. Новая девочка, красавица-блондинка с улыбающимися глазами сразу покорила всю нашу компанию парней. Ну мы и бежали друг перед другом в надежде стать тем самым, на кого она обратит свое внимание. А Настасья ходила павой, крутила носом и посылала всех, пока в один прекрасный вечер не позволила мне себя поцеловать. Тогда я еще не знал, что Влад влюбился в нее по уши. Когда он узнал, я огреб по полной. Мы тогда неслабо так подрались. А потом помирились, но он запретил кому-либо подходить к его девушке, как он ее называл. У них там своя довольно долгая история, но в итоге Заричанский женился на ней.

– А почему она назвала меня Лунной Радугой?

– Сказала же: редкое явление.

– Странное такое сравнение.

– Она астроном. Прямо настоящий ученый.

– Правда? – Соня поворачивается и смотрит на Настю. – А так и не скажешь.

– А какая профессия ей бы подошла?

– Ну не знаю, стилист какой-нибудь.

– Этот стилист лазала с нами по деревьям, воровала яблоки в саду Матвеевны, а потом рассказывала нам о звездах. Помешанная на этом с детства.

– А Влад?

– А Влад депутат городского совета. Ты разве его не узнала?

Соня качает головой, а у меня плывет все. Ее лицо так близко, чуть-чуть наклониться – и наши губы встретятся. И запах этот как будто несмываемый. Мы уже в бассейне были несколько раз, потом в душе, а она пахнет все так же.

– Я не интересуюсь политикой, тем более местной.

– Это шампунь у тебя так пахнет? – спрашиваю внезапно даже для себя самого.

Соня смотрит удивленно и чуть хмурится.

– Эм-м-м, наверное. А что, не нравится?

Я беру прядь ее волос и вдыхаю запах.

– Да, точно. Пахнут волосы. Нравится, Софья.

– Ну вот опять Софья, – с притворным расстройством говорит она.

– Не нравится?

Она открывает рот, чтобы ответить, но мы замираем в моменте, глядя друг другу в глаза. Что она хочет сказать и почему молчит? Нравится или нет? Мне почему-то чертовски важным становится узнать ответ. Но она не успевает его произнести, потому что Настя выкрикивает:

– Ну мы пить-то будем сегодня?

Глава 6

Макар

– Мака-а-ар, ты как будто не знаешь, что делать в таких ситуациях и кому звонить, – пьяно тянет Влад, обнимая меня за плечи.

– Я бы и сейчас тебе не рассказывал, – отвечаю я таким же заплетающимся языком. – Богомоллов, у тебя слишком длинный язык.

– И светлая голова, – отзывается Витя с соседнего шезлонга. – Смотри, как быстро порешать можно.

– Ну вы достали уже! – гневно выкрикивает Ира. Они с девочками сидят в нескольких метрах от нас, составив ротанговые кресла в круг. Мне кажется, Софья отлично вписалась в компанию, несмотря на свой юный возраст. Каждый из нас старше ее минимум на десять лет, но она умело поддерживает беседу. – Сколько можно о работе?! И вообще мы идем купаться или как?

– О! Точно! Купаться! – Витя вскакивает с шезлонга, но наклоняется, чтобы упереться в него пальцами, потому что его шатает.

– Голышом, я надеюсь? – со смехом спрашивает Влад.

– Так конечно! – отвечает Витя, выпрямляясь. – Давно депутата Заричанского никто не компрометировал, – последнее слово Богомоллов выговаривает только с третьего раза под наш дружный смех. – Давай, а то папарацци уже соскучились по твоей голой заднице.

– Ну пипец! Вы мне долго это припоминать будете?

Мы все встаем и, словно по команде, подхватив с крайнего шезлонга полотенца,двигаемся на выход со двора.

– Пиво надо захватить! – выкрикивает Витя, быстро сообразив термо-сумку, в которую уже забрасывает бутылки. – Ира, покрывала в коридоре!

– Да взяла уже.

Такая суета вокруг, что я даже не успеваю сообразить толком, когда рядом со мной оказалась Софья.

– Слушай, может, не надо на озеро?

– О, ты много потеряешь, если не пойдешь. Сонь, никакой пошлятины или оргий. Просто дурачество.

– Да я про то, что пьяные все.

– Не такие уж они и пьяные, похуже бывало.

– Ладно, только я, наверное, не буду купаться.

– Почему?

Она мнется, и даже в тусклом свете дворовых фонарей я вижу, как она краснеет.

– Софья, идем. Даже если не захочешь купаться, проведем время на озере с друзьями, подуреем немного.

– Так странно видеть, как взрослые статусные люди сходят с ума, – произносит она, когда мы выходим со двора.

– А что еще нам остается? У каждого здесь серьезная должность, куча проблем. Мы все должны изо дня в день держать лицо и соответствовать. А вот такие сборы позволяют нам вдохнуть полной грудью.

– Ты сегодня такой словоохотливый.

Я смеюсь.

– Сам в шоке.

Мы располагаемся у кромки воды, расстилаем пару покрывал, сбрасываем полотенца, а дальше начинается безумие. С хохотом мы избавляемся от одежды и несемся в воду. Влад забрасывает Настю на плечо и под ее крики бросает в озеро. Мы дурачимся как в юности. Такое потрясающее чувство беззаботности и сумасшествия, которое не каждый день испытываешь. Иногда хочется бросить все и снова приехать ночью с друзьями на озеро, но получается только спонтанно, практически без подготовки. Наплескавшись, я обращаю внимания, что Сони нет. Начинаю резко дергать головой в разные стороны, а

потом замечаю одинокую фигурку на берегу.

– Софья, давай к нам! – зову ее.

– Нет, спасибо, я пас.

Ну не буду же я ее уговаривать, в конце концов. Но за меня это делают друзья, в четыре голоса зазывая скромнягу Силантьеву к нам. И она наконец сдается. Пока все бесятся и брызгаются, я замираю, практически не дыша, и смотрю на то, как Софья сбрасывает с себя одежду. В лунном свете я не могу рассмотреть все подробности, но будь у меня фонарик, я бы обязательно осветил им те места, которые интересуют меня больше всего. Вот сейчас я точно чувствую себя подростком, который чуть ли не впервые видит обнаженное женское тело. Жадно пожираю глазами каждый сантиметр тела, который удастся рассмотреть, пока она раздевается, а потом с визгом забегает в воду. Спешу к ней, чтобы... хрен его знает, зачем, но тороплюсь, как будто ее может кто-то перехватить. Хочу сам быть этим человеком, но не успеваю. Проворный Богомоллов подхватывает Софию на руки и, разогнавшись, забрасывает в воду.

– Я тебе сейчас руки оторву! – слышу шутливую гневную угрозу со стороны Иры, а сам ускоряюсь к тому месту, куда Витя бросил Софию.

Она выныривает, смеясь, а я тащусь от ее смеха. Такого легкого, беззаботного, настоящего девичьего. Соня не успевает сориентироваться, как оказывается в моих объятиях, прижатая ко мне так сильно, что я могу почувствовать грудью очертания ее сосков.

– Ох! Что?..

– Ложись на воду.

– О, нет, спасибо.

– Давай же. Будем устраивать атаку на моих друзей.

– Как это?

– Ты ложишься на спину, я подхватываю тебя за подмышки, подплываем к ним, и ты начинаешь молотить ногами по воде, поднимая брызги.

– Поняла, – быстро отвечает Соня и, повернувшись ко мне спиной, поднимает ноги.

Я – пьяный идиот. Потому что «за подмышки» – это значит близкое соседство моих ладоней с ее соблазнительной грудью. Будь она моей, я бы обхватил полушария, укрыв их от чужих взглядов, а заодно и поигрался бы с ее сосками. А так... пока непонятно, как держать ладони. Но мы как-то быстро ориентируемся, и я перехватываю Соню под грудью, а она накрывает соски ладошками, скрывая от меня красоту. Но так мне спокойнее, жадный взгляд Богомолова не выхватит горячую картинку юной девочки. На воде начинается дурдом, когда друзья просекают, в какую игру мы играем.

Спустя некоторое время, уже нормалью протрезвевшие и уставшие, мы вываливаемся на берег, тут же кутаясь в полотенца. Вообще ночное купание голышом кайфовое, пока ты пьяный и на кураже, а потом, когда эта дурь проходит, хочется прикрыться. Не потому что стесняешься, а потому что статус сам по себе лезет наружу, и ты осознаешь, что тебе вроде как не к лицу уже такие забавы. Мы рассаживаемся на покрывалах и открываем пиво. Я снова подтягиваю Соню, приглашая устроиться у меня между ног, что она и делает. Теперь беседа становится более спокойной, размеренной, я бы даже сказал, убаюкивающей немного. Или то я просто устал за день. Мы с Софией болтаем о работе, потому что она задает миллион вопросов, а я не могу не ответить на них. Пиво заканчивается, Настя с Владом уходят, а мы с Соней не можем наговориться. Кто бы мог подумать, что она действительно такая, как мне рассказывали другие преподаватели – умная и действительно очень внимательная к деталям?

– Ребятки, домой? – спрашивает Витя, поднимаясь.

– Мы еще немного посидим, – отвечаю я. – Да, Сонь?

– Мгм. Если можно.

– Вам можно все! – торжественно произносит Богомолов. – Полотенца потом с покрывалами не забудьте.

– Да, оставляй.

Ребята уходят, а мы продолжаем беседовать, и так это потрясающе, что я и сам удивлен. Никогда не думал, что можно вот так просто сидеть с девушкой – еще и значительно младше меня – и говорить без остановки, слушать ее. Более того, слышать и проявлять интерес к сказанному. Пора признать: мне хорошо с Соней. И теперь, кажется, я хочу ее сильнее.

– О, Архипов – это отдельная история, – продолжает Софья свой рассказ, а я, не удержавшись, касаюсь губами изгиба ее шеи. – Он меня пытался завалить на первом зачете. Говорит, не верю, Силантьева, что ты выучила. Списала, скорее всего. Ну и давай меня валить вопросами по другим темам. А я же не зря две ночи... – она зависает, речь замедляется и голос немного садится, – ... учила. И... повторяла... перед... зачетом. Макар, что ты делаешь? – шепотом.

– А что я делаю?

– Зачем ты?..

– Что?

– Целуешь, – дрожащим голосом произносит она.

Я слегка разворачиваю ее голову, положив руку на щеку. Приближаюсь к ее губам и шепчу в них:

– А зачем это обычно делают?

– Не знаю, – тихо-тихо отвечает Соня, и я наконец накрываю ее губы своими. Сладкие, мягкие. Такая вкусная девочка, так бы и съел.

Соня отвечает неуверенно, как-то даже немного неуклюже, как будто никогда не целовалась. Да ну, не может же быть. Я усиливаю напор, проникая языком в ее рот, жадно поглощая ее тяжелое дыхание, смакуя дрожь, заглатывая ощущения. Мне так вкусно, что я никак не могу оторваться. Понимаю, что могу спугнуть девочку своим напором, но остановиться не в моих силах. Заваливаю Софью на покрывало и нависаю сверху. В голове стучит мысль, что это плохая

идея и все усложнит между нами, как на работе, так и в универе, хоть я уже и не ее преподаватель, но это не отменяет табу, которое я сам для себя установил. Руки жадно шарят по ее бедру, пробираясь под полотенце. Сжимают нежную кожу, гладят упругую попку, сминают ее, пока мои губы разоряют ее рот. Хочу просто до дрожи.

Внезапно Софья поворачивает голову в сторону и слегка давит мне на плечи.

– Остановись. Макар, стой, – повторяет настойчивее, когда я уже облизываю ее шею и упираюсь стояком во внутреннюю часть бедра.

– Что такое? – спрашиваю я, тяжело дыша, как после пробежки.

– Не надо, – тихо говорит она. – Я не...

– Вот черт, прости, – выдыхаю.

Мне нужно что-то сделать, куда-то пойти, иначе я сейчас свихнусь.

– Посидишь минутку одна?

– А куда ты? – испуганно спрашивает София.

– Надо окунуться.

С головой. Или утопиться. Потому что терпеть этот пиздец ниже пояса просто нереально. Софья кивает и я, сбросив полотенце, несусь – насколько это возможно с каменной глыбой между ног – к воде. Окунаюсь и переплываю на другой берег, а потом возвращаюсь. Да, немного полегчало, но не сказать, что прямо совсем отпустило. Ладно, Гордеев, воспитывай в себе толерантное отношение к воздержанию. С Соней только так. Она твоя студентка и подчиненная. Надо позвонить одной из своих периодических любовниц и снять напряжение, как приеду в город, иначе я свихнусь.

Выхожу на берег и сразу же надеваю шорты, чтобы не смущать Соню. Она уже тоже одета. Сидит, обнимая колени.

– Замерзла?

– Немного.

Я сажусь рядом и накидываю на нас второе покрывало. Обнимаю Соню, но теперь она немного напряжена. Видимо, боится, что я продолжу начатое.

– Задам очень личный вопрос. Не хочешь – не отвечай. Ты девственница?

– Это имеет значение?

– Не особо. Просто стало интересно. Можешь не отвечать, я же сказал.

– Ответ – да, – произносит Соня и немного сжимается, как будто пытается спрятать голову в плечи.

– Ясно, – отвечаю я.

Ясно то, что тебе, Макар Ильич, ни хрена больше тут не светит. Как мы все знаем, девушка, как правило, влюбляется в своего первого, а мне эти приключения совершенно ни к чему. Да и девочку не хочется портить, потому что дать ей то, чего ждут хорошие девочки – а Соня именно такая, – я не могу. Не так выразился. Не хочу никому ничего подобного давать, мне и так хорошо. Завожу разговор на нейтральную студенческую тему, вовлекая в него Соню. Надо просто пережить эту ночь, а завтра свалить домой. Высадить хорошую девочку у общежития, а в понедельник снова заставить называть меня на «вы» и по имени-отчеству.

Глава 7

Макар

– Ну вы даете, Гордеев! – раздается над моей головой громкий вскрик Вити. Я приоткрываю сонные глаза и смотрю на нависшего надо мной друга.

Опускаю руку вниз и провожу ею по пустому колену. Еще пару часов назад там покоилась голова Софьи. Поднимаю голову и окидываю взглядом берег озера. Пусто.

– А Соня где?

– Дома, пьет чай с Ирой.

– Что, ушла, бросив меня одного?

– Тебе страшно остаться на озере без своей девушки? – со смехом произносит Витя, присаживаясь на покрывало и вытирая полотенцем мокрые волосы. – Это я отправил ее к Ирине. Пришел искупаться, а тут вы, голубки. Соня лежит, боится пошевелинуться, придавленная твоей лапой к покрывалу, глаза открыты, но почти не дышит.

– В смысле «не дышит»? – спрашиваю, присаживаясь рядом.

– В смысле боится пошевелинуться, чтобы тебя не разбудить.

Я провожу ладонью по лицу. Наконец меня накрывает тяжелое чувство разочарования в самом себе. Не надо было затевать все это с Соней. По крайней мере, целовать точно не стоило. Но она же как наркотик: только попробуешь грамм, и хочется больше и больше. Теперь мне стоит свернуть эту деятельность, пока не стало поздно. Вопрос в том, как сделать это деликатно так, чтобы ее не обидеть. Черт, и угораздило же вляпаться во все это с молодой девочкой. О чем ты думал, Гордеев?

– А ты чего здесь?

– Кинулся спасать утопленников.

– Каких? – со смехом спрашиваю я.

– Ну или подсмотреть за вашим сексом.

Витя играет бровями и встает, отряхивая второе покрывало от песка.

– Извращенец, – выдаю я, а он пожимает плечами.

– Люби таким, какой есть.

Мы возвращаемся к дому, снова обсуждая рабочие вопросы, пока не добрались до Ирины. Она ненавидит разговаривать о работе в выходные, и я ее прекрасно понимаю. Но иногда это единственная возможность выяснить все вопросы, не боясь называть вещи своими именами. Ира с Соней сидят за столом на террасе у бассейна и громко над чем-то смеются. Как только Силантьева замечает меня, тут же ее щеки покрываются румянцем, и она перестает смеяться. На лице застыло нерешительное выражение и такая же улыбка, а я не могу улыбнуться в ответ, потому что осознаю масштабы катастрофы, которую спровоцировало мое пьяное тело. Надо увозить Силантьеву отсюда, пока она еще не успела просочиться очарованием безудержного семейного счастья Богомоловых, и не надумала себе то, чего нет.

– Софья, надо ехать.

– В смысле? – возмущенно восклицает Витя. – Ты же сказал, что останешься минимум до вечера.

– Дела, – коротко отвечаю я и захожу в дом, чтобы собрать вещи.

Как только оказываюсь в спальне, следом за мной забегают Соня. Закрывает дверь и прижимается к ней спиной сложив руки сзади.

– Это из-за меня, да? – спрашивает она.

– Что именно? – я отворачиваюсь и начинаю доставать из сумки джинсы и футболку, чтобы переодеться из купальных шорт.

– Мы уезжаем раньше из-за меня?

– С чего ты взяла? – хмуро спрашиваю я.

– Почему ты отвечаешь вопросом на вопрос?

– Потому что я не понимаю логики тех, которые задаешь ты.

– Посмотри на меня, пожалуйста, – ее голос становится тише. Я крепко сжимаю челюсти и, скрыв эмоции, поворачиваюсь к Софии. Она смотрит на меня с опаской, слегка прикусив пухлую губку.

– Почему ты решил уехать раньше, чем собирался?

– Я же уже озвучил причину, у меня наметились дела.

– И ты только узнал о них?

– Да.

Софья прищуривается.

– На озере?

– Да.

– Тебе позвонили?

– Да, – твердо отвечаю я, хоть и вру напропалую.

– Тогда ладно. Я уже собрала свои вещи, – она отрывается от двери, подхватывает свою небольшую сумку и идет на выход. – Буду ждать тебя внизу.

Как только дверь за Соней захлопывается, я тяжело вздыхаю и тащусь в ванную. Принимаю душ, чищу зубы и спускаюсь вниз, полностью готовый ехать домой. Черт, отвезти бы Софью и вернуться к друзьям, остаться до завтра. Так не хочется сваливать. Мы с Витей планировали небольшой пикник на озере, но оставаться нельзя, а тащиться потом назад тоже как-то не с руки.

Я выхожу к бассейну, где все сидят так же за столом у бассейна, болтая ни о чем.

– Поехали, Софья, – говорю я, а у самого от раздражения аж голос звенит. Хорош именитый адвокат, который не может держать эмоции при себе.

Она грациозно поднимается из-за стола и идет ко мне спокойным, но решительным шагом. Слегка прищуривается, поравнявшись, а потом берет мою руку, поднимает ее выше, вкладывает в нее мой телефон и, глядя в самую душу голубыми глазищами, медленно – практически по буквам – произносит:

– Твой телефон лежал на столике у бассейна. Пока ты был на озере, никто не звонил. Ну или я просто не услышала.

Бля-я-ядь, вот это провал. Так адвокат Гордеев еще не лажал. Продолжая держать лицо, насколько это еще возможно после такого очевидного фиаско, я подхожу к Богомоловым.

– Ну ты и придурок, – качает головой Ира.

– Я в курсе, – бурчу, обнимая ее и целуя в щеку. – Спасибо за все.

– Ох, и пожалеешь ты, Гордеев, – говорит она, обнимая в ответ.

Мы прощаемся с ней, я в который раз обещаю в скорости повторить визит, а потом Витя провожает нас с Софьей до машины. Он тепло прощается с Силантьевой, берет с нее обещание приехать снова, а Соня, бросив на меня взгляд, кивает Вите.

– Ты на него не смотри, – произносит Богомолов, глянув на меня, – он и сам-то нечастый гость. Без Макара приезжай, тебе в этом доме будут рады. – Он подается немного вперед и говорит заговорщическим тоном: – Я так точно, – и подмигивает, засранец такой.

– Софья, в машину, – рычу я. Витя снова прижимает к себе Силантьеву, держа в руках дольше положенного. – Соня!

Она отстраняется от Богомолова и, по-детски показав мне язык, занимает место на пассажирском сиденье. Я обхожу машину и встречаюсь с Витей возле багажника, в который забрасываю свою сумку.

– Прекрати ее тискать, – говорю тихо.

– Если тебе она не нужна, то у меня есть, как минимум, один кандидат на ее сладкую попку.

– Только, блядь, попробуй.

– А ты определись: нужна тебе девушка или нет.

– Ты женат.

Витя подается вперед и говорит мне тихо:

– Ни одна из моих любовниц тебя так не беспокоила. Почему беспокоит она?

– Потому что она моя девушка.

– Хрена с два. Я же вижу, что ты ломаешь комедию. Но она тебе нравится, поэтому ты едешь крышей, когда я приближаюсь к ней хотя бы на шаг. Так что определяйся уже и, если ты отходишь в сторону, не мешай другим делать шаг навстречу красивой девочке Сонечке.

– Блядь, как же хочется свернуть тебе шею.

Витя отстраняется и улыбается.

– Только мешает любовь ко мне и выгода, которую ты можешь получить, да, дружище?

Мы оба смеемся, потому что знаем, что речь совсем не о выгоде. Мы столько всего прошли вместе, храним так много тайн друг друга, что наша связь просто нерушима, что бы ни происходило с нами. Но я понимаю, что в общество Вити вряд ли когда-нибудь еще привезу Силантьеву. Надо было соглашаться ехать на выходных с Никитосом и Идой смотреть для них дом за городом. И отдохнул бы, и провел время в кругу единственных людей, в присутствии которых могу до конца расслабиться и даже не фильтровать речь. Как бы ни был мне близок Богомоллов, все равно у меня с ним нет такой связи, как с Никитой и Ромой.

Я усаживаюсь за руль и, махнув другу, выезжаю со двора. Нам предстоит короткая и не очень приятная дорога с Софьей. Но она, находясь в таком же настроении, что и я, быстро достает телефон и на все время пути утыкается в него, освободив меня от необходимости поддерживать беседу. Высадив Соню у общежития и коротко попрощавшись, я еду домой, чтобы остаток дня привычно провести за документами, прервавшись на поход в спортзал. Не воскресенье, а полное фиаско.

Глава 8

Макар

– Так дом-то вы выбрали? – спрашивает Рома, делая глоток кофе, и забрасывая в рот остатки булочки с корицей.

– Да вроде выбрали. Ида пару раз покрутила носом, но в итоге почти согласилась на небольшой домик в пригороде. Дальше ехать отказалась. Говорит, если мы будем в этом доме на постоянной, то он не может быть далеко, чтобы было удобно добираться на работу.

– А вы хотите на постоянку?

– Да черт его знает. Сразу думали купить что-то типа дачи, а потом приехали туда, а там так тихо, спокойно. Представил себе, как буду приезжать после суеты в городе, отдыхать.

– Так ты пока доедешь, ночь уже будет, – возражает Роман.

– Зато спать не среди городского шума, а под стрекот сверчков.

Рома качает головой.

– Никогда не понимал этой загородной романтики.

– Потому что не дорос, – смеется Никита. – Так, ну давайте раскидаем неделю, через полчаса начинается рабочий день и мне через час надо быть в суде. Кто берет желторотиков?

– Илона катает за собой Богдана, – говорит Рома, – второго... как его?

– Ивана, – подсказываю я.

– Да, его катает Виталик. Ну а Сонечка с Маком.

– Нет. Мак ездит по делам один, – отрезаю я, зарабатывая недоуменные взгляды друзей. Я еще ни разу не отказывался работать со стажерами. Обычно мне это в кайф. Видимо, сказывается то, что я преподаватель.

– Это еще почему? – спрашивает Никита.

– Потому что не хочу. – Друзья снова смотрят на меня, как будто я сморозил нечто такое, что совершенно мне несвойственно. Я вздыхаю и откидываюсь головой на спинку кресла. Коротко кручусь из стороны в сторону, потом смотрю на друзей. – Я опять ее чуть не трахнул.

– Господи, когда ты успел? – шокировано спрашивает Рома.

– На этих выходных.

– Почему ты вообще встречался с ней на выходных? – это уже Никита пытается выяснить подробности.

Я коротко рассказываю, не вдаваясь в подробности, потому что после нескольких часов самобичевания понимаю, что мне самому стыдно за свое поведение. Надо было сдержаться и не трогать девочку.

– Никитос, а давай в назидание старому профессору-извращенцу дадим девочку аж на две недели, чтобы ему неповадно было так чудить.

Никита криво усмехается.

– Испортит нам девку.

– Только и умеешь, что девок портить, – несет чушь Рома с широкой улыбкой на лице. – Влип?

– По самое не надо баловаться, – бурчу я.

– Ладно, Сонечку я забираю, а ты тогда сам по себе, – отвечает он. Ромка, конечно, любит клоунаду, но иногда ведет себя адекватнее некоторых серьезных людей. – Какие-то особенности, которые мне стоит учесть?

Я усмехаюсь.

– Не ведись на ангельскую внешность, она обманчива.

Рома смеется.

– Ну надо тебе! А девочка-то не промах!

– Не то слово. И в уголовку ни ногой.

– Не понял?

– По уголовным делам не таскай в смысле. У нее нездоровая любовь к этой сфере.

– Ну и отлично, нам не хватает рук.

– Для чего? – на меня накатывает раздражение, хочется протаранить стол кулаком. – По СИЗО мотаться? Никаких изоляторов для нее. Я думал, Подонин сожрет ее, стоит мне только отвернуться. Софии там не место.

Рома склоняет голову набок и рассматривает меня с хитрой ухмылкой.

– Ого, тебя взяло.

– Да пошел ты...

– Я-то пойду. Никитос, видел?

– Что? – Королев отрывается от телефона, в котором что-то печатал. Опять со своей Кошкой переписывается, задрал. Когда меня это стало раздражать?

– Говорю, Макарка наш влюби-и-ился в юную девочку.

– Да ты закроешь рот?! – рычу я, вскакивая с места и поворачиваясь к Никите. – Есть сигарета?

– Ого, и правда взяло, – удивленно произносит Рома, а мне уже хочется влупить не по столу, а по роже друга. – Ты ж бросил.

– Бросил-начал, тебе какое дело?

– Ладно, – Роман наконец смотрит на меня как нормальный человек, а не как клоун из уездного цирка. – Мак, совсем хреново?

Я киваю, зажимая между пальцев протянутую Никитой сигарету. Пока не поджигаю, кручу во второй руке зажигалку. Не уверен, что снова хочу сделать это, бросил только вчера. И я не уверен, что не вернусь к вредной привычке, если сейчас закурю.

– У тебя сегодня выезды есть? – спрашивает Никита.

– Нет, только работа на месте. Я до среды вообще поселяюсь в офисе. Надо будет, может, мотнуться к Подонину, но это не точно. Там еще то дело с председателем надо будет затереть, но то я через Виктора порешаю.

– Я могу подъехать куда надо, – предлагает Рома. На мой вопросительный взгляд он поясняет: – В смысле подвезти хайс, все дела.

– Спасибо. Но я и сам в состоянии этот вопрос решить, если Романовскому будет что передавать.

– Ну ладно. Если что, я на подхвате. – Рома встает и в этот момент пиликает его телефон. Он бросает взгляд на экран и кривится.

– Лена? – спрашиваем с Никитой в один голос.

Рома кивает, а потом поднимает голову к потолку и громко вздыхает.

– Почему я не могу просто послать ее, а?

– А почему не можешь? Достаточно сказать всего три коротких слова: «Да пошла ты», – произношу я.

– Не так просто, как кажется, – отвечает он.

– Что на этот раз? – Никита кивает на телефон Романа.

– Разводится.

– Да ладно! – восклицаю я.

– Ну вроде.

– А, «ну вроде» у нее последние пару лет, – я сажусь в кресло и нюхаю незажженную сигарету. Воняет, но меня все равно тянет поджечь кончик и втянуть едкий дым в легкие.

– Ага, – коротко отвечает Рома и убирает телефон в карман. – Ну что, понеслась душа в рай, – веселее говорит он и, глядя на часы, считает: – Три, два, один... Дзынь. Ой, тук-тук.

Как только он произносит это, в дверь моего кабинета стучат, а через секунду в проеме появляется голова нашего общего секретаря Марины.

– Доброе утро, господа, – здоровается она, а потом толкает дверь и входит с подносом с кофе и зажатым подмышкой блокнотом. – А я вас у Ромы ищу.

– А мы, может, от тебя спрячемся, красавица, – Роман подмигивает секретарю и забирает с подноса кофе. – Спасибо, любовь моя.

Когда Марина только устроилась к нам, у них с Вавиловым была взаимная неприязнь. Она мелко пакостила ему, то добавляя соль в кофе, то напоминая о предстоящем судебном заседании за пару минут до выхода из офиса. Роман тоже не оставался в долгу, например, удалял с ее компьютера расписание на неделю, без которого она, как без рук. Или оставлял записки с заданием перезвонить кому-то из клиентов и сказать то, что клиент уже знал. Она чувствовала себя душой, а Вавилов триумфально пил кофе с солью. Полнейшая идиллия. А потом как-то все сошло на нет, мы даже и не заметили, как они стали любезничать друг с другом, иногда подкалывая, но теперь только словесно и беззлобно.

– Пожалуйста, – отвечает Марина, подмигнув Роме. – Там почту уже принесли, будешь ночевать сегодня на работе.

– Да что ты? С каких пор я выполняю твою работу, а зарплату получаешь ты?

Марина разносит кофе и отставляет поднос на столик возле диванчика для посетителей, а потом садится за длинный стол, приставленный к моему, прямо напротив Вавилова.

– С тех пор, когда восемьдесят процентов корреспонденции по твоим делам. Я, конечно, вскрою конверты и любезно подколю их под документы, но раскладывать по делам ты будешь сам.

– А вот и не сам. Мне поможет славная девочка Сонечка, которая теперь привязана ко мне, как дополнительный орган моего тела.

– Господи, и как судьи терпят твой треп? – Марина качает головой, а потом открывает блокнот и достает из него распечатанное расписание. Раздает каждому по экземпляру, и мы включаемся в обсуждение. Все шутки и подколки в сторону, началась рабочая неделя. – Это предварительное, как всегда. Я закину в общую папку электронную версию, которую буду корректировать по мере поступления повесток и вызовов. Рома, ты просил предупредить тебя заранее, когда назначат дело Степанова. Предупреждаю, предварительное заседание на этот четверг, пятнадцать тридцать.

– Не пересекается с другими?

– Нет, здесь все хорошо. Так, еще. «Промтехснаб». Их заседание перенесли, тоже сейчас пришло утром письмо. На двадцатое, на десять утра.

– Так у меня двадцатое занято, – возмущается Никита, черкая карандашом расписание.

– Я в курсе, перенесем, – спокойно отвечает Марина, делая себе пометку в ежедневнике. – Остальное посмотрите сами. Макар, Романовский на следующей неделе, просто напоминаю.

Я сжимаю челюсти. Если мой клиент не решит вопрос с председателем, то на заседание можно даже не ходить. Я уже практически слово-в-слово могу процитировать решение суда. Киваю, давая Марине понять, что услышал ее.

– Деток распределили? – спрашивает она про стажеров.

– Да. Со мной будет работать девочка Сонечка, – снова произносит Рома издевательским тоном, отчего я скриплю зубами. Марина бросает на меня быстрый взгляд, как будто случайный, а я вопросительно поднимаю бровь. Она была бы плохим секретарем, если бы не знала всего, что творится в фирме.

– Так Соня вроде работала с Макаром.

– А мы перегруппировались, – отвечает ей Рома.

На этих словах дверь кабинета открывается и появляется моя мучительница собственной персоной. Я давлюсь воздухом, сжимая сигарету в ладони. На Софии узкие белые джинсы и черная шелковая блузка без рукавов, вырез которой демонстрирует соблазнительную ложбинку. Сегодня золотистые локоны Силантьевой собраны в достаточно высокую прическу, а на лице довольно броский макияж. Ей идет, но меня бесит весь тот слой «штукатурки», под которым я не могу рассмотреть Соню и благодаря которому мне тяжелее вспомнить, почему я не могу просто нагнуть ее и трахнуть. Вот прямо сейчас. Выгнать всех к чертям из своего кабинета, сорвать джинсы, уложить грудь на стол и...

– Доброе утро! – бодро восклицает София, не глядя на меня, а я пытаюсь поймать ее взгляд, которым она скользит по присутствующим, упорно меня игнорируя. – Марина, я как раз тебя искала. Там еще почту принесли, ее очень много, хотела предложить тебе помочь разобрать.

– Мы сейчас будем мою разбирать, – Роман подскакивает с места и, подойдя к Соне, обнимает ее за плечи. – Теперь, Сонечка, ты в моем полном распоряжении. Дядя Макар занят другими делами, а мы с тобой будем кататься на моей шикарной машине и участвовать в судебных заседаниях. Любишь, хозяйственные дела?

– Нет, я больше по уголовке.

– Уголовка – удел мрачных дядек типа нашего Макара Ильича. Ему просто не дают международные дела согласно его основному профилю, приходится общаться с босотой...

Продолжая говорить, Рома выводит Софию из моего кабинета, и следом за ними выходит Марина. Я оседаю в своем кресле. Даже не заметил, как напрягся с появлением Силантьевой в моем кабинете.

– Совсем туго, да? – с пониманием спрашивает Никита.

– Пиздец просто, – отвечаю я и наконец подкуриваю сигарету. Потом брошу. В шестой раз.

Глава 9

София

Неделя вся кувырком. Из-за отпусков у судей заседаний почти нет, но мы с Романом мотаемся по городу, развозим документы, встречаемся с клиентами, а еще завалены документами по самые уши. Мне нравится работать с Ромой. Он спокойный, не рычит, как Макар, постоянно шутит, но при этом серьезный, когда

это требуется. На заседаниях предельно собранный и внимательный. Как только переступает порог зала судебных заседаний, просто преображается, становясь тем самым молодым перспективным адвокатом, каким его знают в юридических кругах. Цепкий, острый на язык, только за эти несколько дней подловивший пару представителей противоположных сторон на вранье прямо во время слушания.

Но мне больше нравится Макар, хоть и не должен. Он все время серьезный и немного угрюмый. Я видела его в игривом настроении только там, в гостях у Богомоловых. И все равно мне кажется, что даже в той расслабленной обстановке он открылся не полностью. Есть еще в нем потенциал для полноценного отдыха и расслабления, только, видимо, не в моем присутствии.

Я сама не заметила, как моя неприязнь к противному преподу переросла в симпатию. Может быть, в те пару дней, что мне довелось поработать с Гордеевым, а может, там, на даче Богомоловых, когда он постоянно находился рядом и касался меня. Не могу никак выбросить из головы наш поцелуй. Мой первый, который – я уверена – теперь станет мерилom для всех последующих. Сам того не осознавая, Макар задрал мою планку требований к потенциальному парню выше, чем я бы сделала это сама. Он должен целовать так же нежно, но при этом требовательно, с напором. Он должен брать, а не отдавать, подчинять себе губами, руками, языком. Мне всегда казалось, что мужчина таким и должен быть: серьезным, не говорящим лишних слов, делом доказывающий свою мужественность. То, как Макар грубовато, но искренне оберегает меня от уголовки, говорит о многом. А меня, как назло, тянет именно в эту сферу. Может быть, потому что дело об убийстве моих родителей так и не расследовали до конца, а, может, потому что я хочу пересажать всех преступников. Поэтому я смотрю на Иру Богомолу, как на божество. Она умеет закрывать подонков, и я хочу так же.

Пятница начинается так же, как продолжалась вся неделя: хаотично и не по плану. Сначала мое платье застревает в двери метро, и мне приходится так проехать до следующей станции. Потом купленный стакан с ароматнейшим латте выбивает у меня из рук какой-то придурок на велосипеде. Непонятно, почему ему вдруг надумалось взмахнуть рукой, при том что сворачивать он не собирался. Дальше в офисе не работал лифт, и мне пришлось тащиться на нужный этаж пешком. На высоких каблуках, которые я вообще-то обувать не собиралась. Но сделала это, чтобы – чего уж себе самой врать? – в очередной раз подразнить Гордеева. А теперь вот звонит соседка бабушки и говорит, что у той

высокое давление, и соседка вызвала скорую. Я благодарю тетю Марусю и обещаю приехать в самое ближайшее время.

Откладываю телефон и смотрю большими испуганными глазами на Виталика.

– Что? – спрашивает он.

– Бабушке плохо, – отвечаю севшим голосом. До меня вдруг доходит, что единственная родственница, оставшаяся в живых, тоже не вечна. В ушах шумит кровь, а к горлу подкатывает тошнота.

– Отпросись у Макара и поезжай к ней.

Я быстро киваю, встаю из-за стола, покачиваясь на злосчастных каблуках, и иду к Макару в кабинет. Рома сегодня в командировке. Он уехал один, оставив меня разбирать документы. Я бы с радостью пошла к Никите, но тот в суде с самого утра. Остается только Гордеев.

Вхожу в приемную. Марина поднимает голову и хмурится.

– Случилось что, Сонь? Ты бледная.

– Бабушке плохо.

– Ой, – говорит она тихо. – Макар один, заходи.

Я снова молча киваю и коротко стучу в дверь Гордеева. Открываю ее и захожу. Макар на секунду отрывает взгляд от монитора, а потом снова опускает его.

– Что там, Софья? – резковато, как будто недоволен мной. Можно было бы спросить, что не так, но сейчас совсем не до выяснения отношений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/orlova_ekaterina/moya-nevinnaya-devochka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)